

Лена ввела коды запуска для пушек перехвата, чей массированный обстрел зачистил минные поля. Затем она ввела код на открытие ворот в стене Гран-Мюр.

Всего лишь Куратор, вроде Лены, не имел права владеть этой информацией. И завершив столь банальные процедуры, она выглянула из армейского штаба на темный первый сектор, на который опустилась ночная тишина.

Это была ночь Фестиваля революции. Многие уже изрядно устали от празднования и погрузились в пьяный сон, но на площади и улице она все еще могла заметить идущих людей и разъезжающие машины. Экстренные новости про разрушение Гран-Мюра и вторжении Легиона, о конце мира и процветания Республики, еще даже не вышли в эфир.

Первым пал семьдесят четвертый сектор, примыкающий к северным внешним стенам. Производственные предприятия и промышленные зоны в нем оказались серьезно повреждены. Проживало там немного, и если кому-нибудь и удалось сбежать, то на медленных человеческих ногах самое лучшее, на что они могли рассчитывать — добежать до соседнего сектора, если, конечно, смогут.

Но вооруженным силам сообщили о падении последнего оборонительного рубежа, а значит правительство также должно об этом знать. Тогда почему они еще не оповестили? Почему не отдали приказ об эвакуации?

Она прикусила бледные губы. Ответ очевиден... Об этом молчали намеренно, чтобы высокопоставленные лица смогли эвакуироваться прежде, чем дороги будут переполнены во время исхода беженцев. Бегущие прямо сейчас граждане — те, которых предупредили заранее из-за наличия у них связей с военными или правительством. По всей вероятности, другие сектора не проинформируют до тех пор, пока не завершится полная эвакуация первого сектора и Селен, бывшей знати.

Мирные жители на поле боя осложняют абсолютно любую операцию. Даже для «восемьдесят шесть». Лена в уме начала перебирать список имен, пытаясь понять, к кому она могла бы обратиться с указом как можно скорее эвакуировать жителей, не вызывая ненужной путаницы.

Но затем она вдруг увидела кое-что, мелькнувшее за большим окном — размытые цвета, совсем неподходящие армейскому штабу, но, что иронично, вполне логичные для этого бывшего дворца.

— Мама?!

Ошибки быть не могло. Подъехала роскошная машина, и оттуда вышла, придерживая подол платья, женщина. Затем она спешно прошла через сад, выполненный в виде симметричного геометрического рисунка. Потом бегом взобралась по мраморной лестнице в старомодном платье. Это была никто иная, как мать Лены.

Лена мигом пустилась к лестнице и направилась ко входному залу. Буквально вбежала в него, где пол походил на полированное зеркало, и наткнулась на свою маму.

— Лена, нам нужно бежать!

Она выглядела отчаявшейся. На ней было платье, но оно предназначалось для ношения дома — слишком уж свободным оно было для появления на публике. С прической тоже не стала возиться, как и нанесением макияжа. Лена не привыкла видеть такую мать.

— Мне только что позвонил Жером. Легион, эти кошмарные машины, прорвались через Гран-Мюр!

У Лены навернулись слезы. Каршталь — бывший «дядя», кто, сложа руки, наблюдал дискриминацию «восемьдесят шесть», кто оставил всякую надежду по поводу Республики и погряз в отчаянии.

И все же он попытался спасти ее маму. Он не только выиграл время для Лены, еще и это сделал.

Стряхнув слезы сентиментальности, Лена ответила:

— Да, знаю. Мама, тебе нужно бежать. Возьми слуг и уезжайте. Как можно дальше на юг. Я позже догоню, если получится.

— Лена, что ты?..

— У меня получилось добиться поддержки «восемьдесят шесть». Я поведу их, и мы перехватим Легион. Я буду командовать ими как Куратор и...

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ! — сорвалась ее мать на пронзительный крик.

Лена от шока потеряла дар речи. Мама обхватила плечи Лены слабыми, немощными руками и решительно призвала с отчаянным и жестким выражением лица. Будто увидев ребенка, балансирующего на краю пропасти, она схватилась за нее двумя руками и попыталась оттянуть подальше от опасности.

— Не можешь, Лена! Ты не должна сражаться. Если пойдешь на поле боя, просто погибнешь. Если решишь стать солдатом, сама же себя и погубишь. Ты закончишь как Вацлав. Если выйдешь на поле боя, тебя не станет, как и твоего отца!

Ошеломленная, Лена заглянула в глаза матери. «Брось армию» — продолжала настаивать она, говоря одно и то же раз за разом до посинения. И Лена всегда считала, в глубине души, что ее

мама просто закрывала глаза на реальность. Но сейчас до нее впервые дошла правда, таящаяся за этими словами.

Ее мать все это время находилась в реальности. И отворачивалась здесь, от реальности смерти отца, только Лена.

— Лена, я прошу тебя. Я говорю тебе не становиться солдатом. У тебя есть более важные дела: найти счастье. Ну не нужно тебе умирать, как это случилось с Вацлавом. Пожалуйста, найди счастье. Вот что ты должна сделать!..

— !..

Лена стиснула зубы. Она все равно отвернется. Отвернется от чувств матери, от этой глубочайшей и искренней заботы. Она взглядом попросила маминого шофера, вышедшего из машины, подойти ближе. Затем повела маму за плечи и передала ее в руки мужчины.

— Спасибо, мама. Но прежде мне нужно выжить. А для этого мне придется сражаться. Иначе никак. В такой вот ситуации мы сейчас находимся.

Она повернулась на каблуках и, собрав всю силу воли, спихнула с себя протянутые руки матери.

Шофер твердо удерживал женщину от того, чтобы та не бросилась за дочерью. Ее голос Лена воспринимала за крик; стиснув зубы, она старалась сдержать слезы.

— Лена! Ты не можешь! Пожалуйста, вернись! Лена!..

Это были последние слова, которые Лена слышала от своей матери.

□

Позже одна выжившая служанка рассказала Лене о смерти госпожи — ее раздавил Лев, когда она попыталась защитить ребенка от этой участи.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2455404>